

М. А. САЛМИНА

„О причинах гибели царств“, сочинение начала XVII века

Сочинение, не изданное до сих пор и известное в литературе под названием „Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца“,¹ в кругу русских литературных памятников появилось не позднее начала XVII века.

Сочинение привлекает к себе внимание тем, что, во-первых, как оказалось, оно имелось в библиотеке Петра Великого, во-вторых, как следует из материалов по истории раскола, изданных Н. И. Субботиным,² памятник имел хождение в старообрядческой среде (его отбирали при обыске). Само количество списков (известно пока 17 списков) XVII и начала XVIII веков говорит о том, что памятником интересовались читательские круги.

Сочинение памятника, действительно, оригинальное. Это трактат на политическую тему, светский по своему характеру, написанный простым и ясным языком.

Сочинение начинается с того, что автор его приводит два тезиса, один из которых заимствован у Платона, другой — у Ксенофонта, о причинах гибели царств. Платон утверждает, что государство строится на „естественном законе“ и гибнет „от перемены закону“. Но „лучшим и праведным“ автору представляется мнение Ксенофонта, по которому царства изменяются и погибают от „злобы“, „хотения“, „гордости“ и „неправды“ „властелей и начальников“ (под „властелями“ подразумевается высшая законодательная власть, а „начальники“ — это власть исполнительная).

Правда, автор здесь же спешит согласовать свое мнение с обязательной точкой зрения христианской историософии, что „без воли божии и суда“ ничего не делается, но в конечном счете, полагает он, вина все-таки лежит на людях, ибо суд божий посылается „за грехи и злобы человеческие“. Примеры из Библии подтверждают, что если эти пороки не будут во-время пресечены, то царство погибнет так же, как погибает и человек, запустивший свою болезнь.

Как же сохранить „целость и покой“ государства? Мир и полное благополучие наступят только в том случае, если „властели“ и „на-

¹ Оно упоминается в книге А. И. Соболевского „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков“ (СПб., 1903, стр. 165).

² Н. И. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. 1. М., 1875, стр. 323—339.

чальники“ будут стремиться к „единомыслию“ со своими подданными. Царь и его подчиненные должны „добро и праведно жити“, быть „образцом всяких добродетелей“, ибо „каковых нравов будет царь или начальник, таковы же смотря на него будут и подданные его“. Здесь же приводится пословица: „каков купец или торговый человек, таков и товар его“.

Иными словами, царь должен сохранять „добрые, святые и праведные обычаи и постановления“, не допускать распространения в государстве „гордости“, „лихоимства“ и „лакомства“ (т. е. жадности). Государю и „начальникам“ надо избегать того, чтоб „силою и неправдою действовать“. Власть царя „мучителя“ не может быть прочной: „мучительство и насильство“ родит у подданных мысль о мести. Подданные должны не бояться власти, а любить ее. Страх, внушаемый подданным, есть „злой сторож“ и „приводит государей к страшному их житию, с великою их неславою“. Примером „римского цесаря“ Фабрициуса автор учит царей уметь распознавать своих истинных друзей и недругов.

Далее автор вновь возвращается к мысли о том, что не должны быть в государстве „переменные уставы, судебники или постановления государьские“. Это может вызвать „смуту и мятеж“. Только в крайнем случае надо „переменять обычай“, а эти „новые дела“ должны быть „для корысти всех людей“, а не для „подвышения богатых“ или „для понижения убогих“. Власть приказных людей должна соблюдаться в границах, установленных судебником, злоупотребления вызывают только ненависть среди подданных.

В государстве не должно процветать мздоимание: „мзда за службу“ порождает зависть у тех, кто ее не получил, зависть же влечет за собой „ушничество“, клевету на более богатых, она вызывает радость при виде несчастья другого и бывает причиной смут. Государь не должен слушать клевету и „впадать в лютость“, не разобравшись, в чем дело. „Сребролюбие и лакомство“ — зло, особенно для „начальников“: „коли думные бояре между собой о чинах и достоинствах каких или о корысти брань имеют“, в государстве начинается смута, а за смутой „погибель последует“, „из малы бо искры велик пламень происходит“. Автор тут же замечает с сожалением: „не нашел бо нынешнего времени человека такова, который бы возгнушался хотением богатства“. Когда же бояре между собой „без хитрости ревнуют о добродетели, только чтоб было корысти всему государству“, то можно быть спокойным, что то „государство крепко и непоколебимо будет“.

Автор видит зло в том, когда „честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откиненые, а мелкие люди бывают подвыщенные“. Но „не приносит пользы то дело“, когда власть оказывается в руках „немногих людей“, — такая власть „неразна есть от мучительства“, и „мир приходит в кручину и в размышление, как бы тем мстити, иже имеша над ними власть неправедну“.

„Достойным и пригожим“ автор находит совет Аристотеля „давать власть мелким людям“, которые жили прежде в бедности, но чтобы, разбогатея, они гордыми и спесивыми не были.

Для пользы государства, считает автор, необходимо, чтобы бояре имели право „волно говорити о делех надобных“, не бояться высказывать свое мнение по государственным вопросам. Преступников надо „поучати легким обычаем“, оказывать милосердие, чтоб заслужить любовь подданных, остерегаться кровопролития. Не приносит „добраго конца в государстве“ и то, когда „обычай иноземские перенимаются“, особенно те, которые делают протор и убыток в „пище и одежде“.

„Празднование и ленивство“ среди „начальных людей“, невыполнение ими своих обязанностей также не приносит ничего хорошего.

„Государь должен так повелевать подданным, как повелевает отец сыном своим“, помнить о его благе, а не о своей корысти, тем самым он завоеует любовь к себе и будет самым счастливым из людей.

„Начальники“, продолжает автор, должны „судить по судебникам“, „на посулы не смотреть и не дати ся от истинного отводити“. Примером того, какой вред приносит взяточничество, оканчивается текст большинства списков. Все свои рассуждения автор подкрепляет ссылками на примеры из античной истории, ссылается на сочинения античных „философов и мудрецов“.

Как видно, сочинение посвящено вопросам государственного устройства, в нем ставятся вопросы о причинах возникающих смут и мятежей, и на первый план выдвигается вопрос о царской власти, о необходимых для „хорошего царя“ качествах, а также вопрос о поведении „начальников“, подчиненных царя.

Древнейший список сочинения датируется началом XVII века. Следовательно, сочинение появляется в тот момент, когда в русской литературе идет оценка деятельности царей и властей, а вопросы о причинах „смуты“ стоят на первом плане. В сочинениях авторов „смутного времени“ обсуждаются личности Грозного, Бориса Годунова, Василия Шуйского, их отношение к боярству, к выдвижению „новых людей“, внимание к „наушникам“, покровительство иноземцам. Эти же вопросы обсуждает и наш памятник, только не на конкретном русском материале, как сочинения „смутного времени“, а на примерах далеких времен.

А. И. Соболевский отнес сочинение к памятникам переводной литературы. А. И. Соболевский пишет: „Оригинал (или оригиналы) нам неизвестны. Язык — церковно-славянский с полонизмами. Скорее перевод, чем компиляция из нескольких источников. Оригинал, если судить по Клавдиуш, Агесилауш и т. п. (рядом с Пирус, Фабрициус и т. п.), — польский“¹.

А. И. Соболевскому было известно десять списков сочинения второй половины XVII — начала XVIII веков, среди которых находились и такие, где упоминалось имя переводчика Василия Садовулина: „Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“ (или Садовским).

Мысль А. И. Соболевского о переводном характере памятника и предположение его о возможности перевода с польского не кажутся неосновательными. Знакомство с текстом памятника обнаруживает в нем немалое количество слов и литературных оборотов, восходящих к польскому языку. Так, например: разумение — rozumienie — понимание, мнение; помста — pomsta — мечь; прирожденные — przyrodzony — природный; жалость — żalność — горе; поехать до войска — к войску; с вины — от вины; заушничество — zausznictwo — наушничество, и др.

Но так как эти же выражения (за исключением последнего) характерны и для украинского языка, решать вопрос в пользу перевода с польского еще рано. Возможно, что не Польша, а Украина оказалась

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 165. К этому месту в работе А. И. Соболевского имеется следующее примечание, смысл которого не ясен: „Книга Chokiera «O admianie panstw...», Vlnae, 1552 г. была у нас в руках. Книга эта была нами разыскана; она на немецком языке. Год издания ее А. И. Соболевским указан неправильно; не 1552, а 1652. Но непосредственного отношения к нашему памятнику она не имеет.“

посредницей в передаче на Русь этого памятника неолатинской литературы; возможно, что сочинение прошло и двойной перевод — с польского на украинский, а затем с украинского на русский язык. Наконец возможно, что интересующий нас памятник — компиляция из различных переводных сочинений, сделанная уже на русской почве.

Окончательно вопрос может быть решен только после тщательного лингвистического и историко-литературного исследования памятника.

В польской литературе памятника, носящего соответствующее название и имеющего аналогичное содержание, нам пока не известно.

В пользу предположения, что памятник представляет собой не простой перевод, а перевод, связанный с переделкой оригинала, или компиляцию из нескольких переводов, можно привести такие факты, как появление в некоторых списках дополнений, отрывков нравоучительного характера о праведных советниках и судьях. Известны случаи, когда к тексту сочинения приписывались стихи. Есть списки, текст которых, напротив, сокращен. Несколько списков включают в свой текст притчу,¹ близкую по духу содержанию памятника (о неблагодарном вельможе).

Что же касается стихов (приводятся ниже в археографическом обзоре), интересно то, что они были приписаны к тексту того списка памятника, который входил в собрание Петра Великого и имел название: „Книга о содержании царств“. Стихи производят впечатление наставления молодому наследнику престола.

В интересах каких слоев общества мог быть переведен такой памятник, и кто вообще мог читать его? Ответить на эти вопросы можно лишь предположительно.

На вопрос о том, какие слои общества могли читать сочинение, ответить легче. Скорее всего, что памятник был распространен в слоях господствующего класса. Своей темой он мог вызвать интерес как у представителей боярской группировки, у тех, кто стоял за боярское правление и был против выдвижения незнатных людей, так и у читателя из дворянской среды. Могли заинтересоваться им и представители посадского населения. Вряд ли памятник имел хождение в демократической среде, он был все же сложен как по содержанию, так и по форме. Роскошный экземпляр памятника в списке начала XVII века, написанный старательно, красивым почерком, нахождение его в библиотеке Петра под названием „Книга о содержании царств“ и в библиотеке Д. Голицына в Архангельском — всё это говорит о том, что памятник читался преимущественно представителями господствующего класса.

Что же касается вопроса о том, в чьих интересах мог быть переведен и использован памятник, то в сочинении совершенно ясно прослеживается защита консервативных позиций. Памятник мог быть использован реакционным боярством как орудие борьбы за ограничение самодержавной власти, символом которой был Иван Грозный.

Кем могло быть переведено сочинение? Скорее всего, служащим Посольского приказа: перевод сделан деловым языком. Имя переводчика известно. В заглавии некоторых списков сочинения говорится, что перевод сделан Василием Садовулиным или Садовским. Но кто был этот Садовулин или Садовский, пока выяснить не удалось.

¹ В несколько ином виде притча встречается в сборнике „Gesta Romanorum“ под названием „Приклад о невдячности человечестей“ („Римские деяния“, СПб., 1877—1878, стр. 142—152). Притча упомянута у А. С. Орлова в „Переводных повестях феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков“ (изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 95, 102—105).

Итак, памятник под заглавием „О причинах гибели царств“ — сочинение, повидимому, переводное или созданное на основе переводных памятников. Это сочинение представляет собой трактат на политическую тему, написанный в плане историософском. Это памятник исторической мысли, где речь идет об осмыслении судеб государства. Светский по своему характеру, отличающийся отсутствием религиозной темы, он переводится в начале XVII века на Руси и продолжает жить вплоть до начала XVIII века. Это говорит о том, что памятник отвечал потребностям определенных слоев общества в осмыслении исторических событий XVII века.

Археографический обзор

Сочинение „О причинах гибели царств“ представлено 13 списками¹ в сборниках, принадлежащих Библиотеке Академии Наук СССР и Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и 3 списками в сборниках Государственного Исторического музея (Москва).

Многу изучены 13 списков одной редакции и разделены на четыре группы. В первую группу объединены списки, заключающие в себе наибольшее количество полонизмов-украинизмов. В этой группе старший список памятника — начала XVII века, ГПБ, № 0. II. 3. Ко второй группе отнесены списки, имеющие второе дополнительное заглавие „Книга о содержании царств“ и стихи. В третью группу входят списки, отличающиеся стилистическими вариантами, которые не меняют, однако, смысла текста. Эта группа списков в некоторых чтениях особенно близка первой. Четвертая группа — все остальные списки, чтения которых носят смешанный характер.

Первая группа

1. Рукопись ГПБ, № 0. II. 3, начала XVII в. 8°, 41 л., скоропись начала XVII в. (водяной знак — кувшинчик с двумя ручками); переплет XVIII в. На л. 1 — заставка, выполненная золотом. Золотом писана и первая буква текста. Список публикуется ниже. В рукописи лист 3 отрезан. Описок мало. Полонизмы-украинизмы, имеющиеся в языке всех списков сочинения, встречаются здесь в большем количестве.

2. Сборник ГПБ, собрание Титова, № 2350 (номер охр. каталога 1121), конца XVII в. 4°, 779 л. Сборник исторического содержания. Листы 274—300 об., где читается наш памятник, писаны полууставом, переходящим в скоропись конца XVII в., на бумаге, имеющей знак сильно искаженного изображения шута с буквами MR. В списке имеется ряд неисправностей, описок, перепутаны листы. В целом список близок предыдущему. На лл. 274—300 об. — „Описание вин или причин, которыми к погибели и разорению всякие царства приходят и которыми дела в целости и в покое содержатся и строятся“; на лл. 301—308 — „Притча“ (тем же почерком, что и рукопись „О причинах гибели царств“).

Начало: „Наперед показываются двух мудрецов слова или разуменья о том, будут всякие царства с вины и причины человеческие погибель свою и разорение приемлют или судом Божиим“.

¹ Во время печатания данной работы в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина был обнаружен 14-й список (Тит. № 2421); особого интереса он не представляет.

Вторая группа

1. Сборник БАН СССР, Рукописный отдел, № 17. 8. 10, конца XVII в. 4°. Сборник состоит из 2 рукописей, 27 л., писанных полууставом, переходящим в скоропись, конца XVII в. (водяной знак — двуглавый орел, — близок по типу знаку, имеющемуся у Каманина под номером 680 и датируемому 1689—1690 гг.). Сборник входил в собрание Петра Великого. На л. 1 киноварью — первое заглавие: „Книга о содержании царств“, за которым следуют стихи:

Молются любезный читателю,
Буди сие читая сам себе благодателю:
Аще сия будеши внимати,
То начнешися до царства небесного взимати:
Сия книга земное устроение;
Небесных благ присвоение;
Аще присно памятуеши,
То от всех любовь стяжеша;
Аще же творити будеши,
Сим скоро ко христу богу въздеши;
Ему же купно со отцем слава
И со святым духом честь и держава.
Аминь.
Сему, любимиче, касайся со вниманием
И примиряйся ко всем с разсуждением:
Мудрость се глубинная
Человеку крепость твердынная.

На л. 1 об. — второе заглавие: „Писание вин или причин, киими к погибели и к разоренью всякая царства приходят и киими дела в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на российский Василием Садовулиным“.

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом Божиим“.

Список этот после написания сверялся с какой-то другой рукописью, и на протяжении всего текста на полях делалась правка теми же чернилами и почерком. В списке имеется небольшое число опусок, пропуски.

На л. 23 об.—27 об. — „Притча умильна“.

2. Сборник ГПБ, Софийское собрание, № 1495, первой трети XVIII в. 4°, 432 л., полуустав и скоропись различных почерков первой трети XVIII в., на разной бумаге. Среди статей повествовательного и исторического содержания на л. 204—213 об., писанных полууставом на бумаге, имеющей знак герба г. Амстердама и буквы БС, находится текст памятника под двумя заглавиями: „Книга о содержании царств и протчих начал“ и „Писание вин или причин, киими к погибели и к разорению всякая царства приходят и киими дела в целости и в покое содержатся. Приведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“.

Начало: „Напередъ показуется двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и притчины человеческия погибель свою и разорения приемлют или судом Божиим“.

После первого заглавия идут стихи, почти дословно совпадающие со стихами предыдущего списка. Текст подобен предыдущему, но сильно сокращен, приведена лишь половина текста сочинения, где часть примеров опущена.

Третья группа

1. Сборник ГПБ, № F. XV. 21, начала XVIII в. В лист, 141 л., скоропись начала XVIII в. (водяной знак — герб г. Амстердама).

На лл. 1—15 — „Описание вин, ими же к погибели и к разорению всякая царства приходят и которым дела в целости и в смирении содержатся и строятся“.

На лл. 15 об.—18 об. — „Притча“.

Начало: „Прежде показати подобает двумудрецов слова Платона и Ксенофонта, ими же объявятся всякие царства или от человеческих вин гибель свою и разорение приемлют или от суда божия“.

Список отличается стилистическими вариантами, полный, опущен один пример. Но на первых двух листах текст избыточен пропусками и неисправностями.

2. Сборник ГПБ, № F. XVII. 16, конца XVII—начала XVIII в. В лист, 577 л. Сборник преимущественно исторических произведений, писан скорописью трех почерков конца XVII—начала XVIII в. (водяной знак — герб г. Амстердама, с буквами ICDR, близок знаку № 857 у Тромонина, датирующего бумагу концом XVII в.).

На лл. 24—31 об. почерком конца XVII в. — „Описание вин, ими же к погибели и к разорению всякая царства приходят и с которыми дела в целости и смирении содержатся и строятся“.

Начало: „Прежде подобает показати дву мудрецов слова Платона, Ксенофонта, ими же объявляются всякая царства от человеческих вин или от суда божия гибель свою и разорение приемлют“.

Список близок предыдущему, имеет много неисправностей. Непосредственно за текстом следует нравоучительный рассказ о царе Юстиниане, сливающийся с предшествующим повествованием в одной фразе.

3. Сборник ГПБ, собрание Погодина, № 1604, конца XVII в. 4°, 885 л., скоропись разных почерков второй половины XVII в., на бумаге, преимущественно, со знаком шута.

На лл. 448 об.—474: „Писание вин ими же к погибели и к разорению всякое царство приходит и которыми дела в целости и в смирении содержатся и строятся“.

На лл. 474—480 об. — „Притча“.

Начало: „Прежде подобает сказати дву мудрецов слова Платона и Ксенофонта, ими объявляются всякия царства или от человеческих вин гибель свою и разорение приемлют или от суда божия“.

Четвертая группа

1. Сборник ГПБ, № Q. 1V. 270, конца XVII в. 4°, 327 л., скоропись и скоропись, приближающаяся к полууставу, разных почерков конца XVII в., на разной бумаге.

На лл. 309—327 — „Описание вин или причин, кими к погибели и к разорению всякая царства приходят и кими дела в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“ (на полях: „Садовским“).

Лл. 309—318 об. писаны скорописью конца XVII в., напоминающей южнорусские почерка, на бумаге со знаком шута (отдаленно напоминает знак шута под номером 436 у Тромонина). С л. 319 и до конца почерк более мелкий, приближающийся к полууставу, на бумаге с гербовым щитом, увенчанным короной, в щите геральдическая лилия.

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины или причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

Между листами 311 об.—312 недостает одного листа. Список не имеет конца (отсутствует при сравнении с другими списками $\frac{1}{4}$ часть рукописи), обрывается на л. 326 об. на середине фразы: „... которым делом показал то, что юнии празднова...“. Последние листы списка перепутаны, и поэтому после листа 325 об. надо читать л. 327 об., а далее возвращаться к л. 326.

Список писан небрежно. На полях рукописи даются мелкие лексические разночтения из какого-то другого списка, а также многочисленны пометки.

2. Сборник ГПБ, № Q. I. 1010, конца XVII в. 4°, 364 л. Сборник богословского и исторического содержания, писан полууставом, переходящим в скоропись, и скорописью разных почерков второй половины XVII—XVIII в., на бумаге с разными водяными знаками.

На лл. 211—226 об. (скорописью второй половины XVII в., водяной знак, близкий № 1328 у Тромонина, датирующего бумагу 1647 годом) — „Описание вин или причин, киими к погибели и разорению всякая царства приудят и киими дела в целости и в покои содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“.

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

Список неполный, отсутствует около половины рукописи, обрывается на середине фразы: „достоиная и пригожая беседа она...“.

3. Сборник БАН СССР, Рукописный отдел, № Д 451, конца XVII в. 4°, 276 л. Сборник состоит из нескольких рукописей преимущественно исторического содержания, писан полууставом, переходящим в скоропись, и скорописью разных почерков конца XVII в., на разной бумаге.

На лл. 185—218 об. находятся текст памятника без заглавия и примыкающая к нему „Притча“, писаны полууставом, переходящим в скоропись конца XVII в. (водяной знак — шут и слабо прослеживающиеся буквы БВ, близок к № 477 по Лихачеву). Для заглавия оставлено место, равное половине страницы (проставлена лишь заглавная буква „О“). В тексте списка заглавные буквы, которые должны быть написаны киварью, как и заглавие, не проставлены.

Начало: „[Н]апередь показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

На полях списка даются некоторые лексические разночтения. В списке, по сравнению с двумя предыдущими, реже встречаются элементы книжной речи.

4. Сборник ГПБ, Софийское собрание, № 1501, начала XVIII в. 4°, 500 л. Сборник богословско-нравоучительного содержания, писан полууставом различных почерков начала XVIII в., на разной бумаге. На лл. 469—500 (писанных полууставом на бумаге, имеющей следующие знаки: лл. 469—491 — геральдический щит со львом в короне, держащим меч, — знак, почти совпадающий со знаком № 930 у Тромонина, датирующего бумагу 1681 годом; лл. 492—500 — знак герба г. Амстердама, близкий знаку, имеющемуся у Лихачева под номером 500, датирующего бумагу тем же 1681 годом) — „Описание вин или притчей, коиими винами к погибели или разорению всякое царство приходит или

кими делами в целости и в покой содержится и строится. Переведено с римского языка на словенский язык“.

Начало: „Напредь показуется двоих мудрецов словеса или разумения о том, аще всякое царство от вины или причины человеческия погибает или разорение приемлет или судом божим“.

Под заглавием запись карандашом: „NB. Неизвестно, но не из Монтескью о причинах упадка Римской империи R“ (по определению В. Г. Геймана, это подпись библиотекаря С.-Петербургской духовной академии Алексея Родосского).

В списке много перестановок, пропусков отдельных слов. Некоторые варианты сближают список со списком БАН, № Д 451. За текстом следует небольшой нравоучительный рассказ о „первосоветнике“ римского царя.

5. Рукопись ГПБ, № Q. II. 40, конца XVII в. 4°, 22 л., писана скорописью конца XVII в., за исключением л. 1 и последних двух листов, которые писаны полууставом начала XVIII в. Водяной знак — герб г. Амстердама и изображение шута.

Заглавие: „Описание воин и притчей, ими ж к погибели и разорению всякия государства приходят и которыми делами в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садавским“.

Начало: „Первое показываются двоих мудрецов слова или разумение о том, аще всякия царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божием“.

По л. 1—4 списка скрепа: „князя Дмитрея Михаловича Голицына“.

Список небрежный, с пропусками и ошибками, в некоторых чтениях близок списку ГПБ, № O. II. 3 первой группы.

6. Сборник ГПБ, собрание Погодина, № 1605, конца XVII—первой трети XVIII в. 4°, 306 л., полуустав и скорописью разных почерков.

На л. 275—306 об. скорописью конца XVII—начала XVIII в. (водяные знаки: геральдический щит с львом в короне, держащим меч — знак, совпадающий со знаком № 930 у Тромонина, датирующего бумагу 1681 годом; герб г. Амстердама — близок знаку № 857 у Тромонина, только не имеет букв) — текст памятника без заглавия.

Для заглавия и первой буквы текста оставлено место.

Начало: „[Н]апред показываются двух мудрецов слова или 3 мения о том, будут всякия царства с вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божим“.

В списке имеются пропуски, описки.

Краткий обзор списков Государственного исторического музея

1. Сборник из собрания Синодальной библиотеки, № 933, первой половины XVII в., 8°, 654 л. Сборник состоит из статей учебно-грамматического характера, писанных полууставом разных рук первой половины XVII в., на разной бумаге.

На л. 475—523 — „Описание вин или притчей [киноварной вязью], которыми к погибели и к разорению всякия царства приходят и которыми делами в целости и в покое содержатся и строятся. Преведены с различных книг с латынского языка на русский Васкою Садовским“ (киноварной скорописью).

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякие царства от вины и от причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божим“.

2. Рукопись из собрания Уварова, № 582-1919, XVII в., 4°, 44 л. Бумага содержит единственный водяной знак с изображением неопределенной фигуры (подобный знак см. у Лихачева № 3559^а, 1641 года).

На лл. 1—37 — „Описание вин и притчей, которыми к погибели и к разорению всякие царства приходят и которыми дела в целости и в покое содержатся и строятся. Преведены с различных книг с латинского языка на русский Васкою Садовским“ (киноварной скорописью).

Начало: „В начале показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякие царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или произволением божиим“.

3. Сборник из собрания Уварова, № 561-1865, конца XVII в., 4°, 287 л., писан полууставом разных рук. Лл. 36—74 писаны полууставом, переходящим в скоропись, на бумаге с головой шута (сходный знак имеется в документе Спасо-Прилуцкого монастыря № 46, 1678—1679 года, хранящемся в Гос. Историческом музее).

На л. 36 — „Книга о содержании царств“.

На л. 36 об. — „Верши до читателя“:

Молются любезный читателю,
Буди сие читая, сам себе благодателю:
Аще сия будеши внимати,
То начнешися до царства небеснаго взимати.

На лл. 37—74 (повидимому, лл. 37—65 об.) — „Писание вин или причин, кими к погибели и к разорению всякая царства приходят и кими дела в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на Российский Василием Садовулиным“.

Начало: „Напред показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

На лл. 66—72 об. — „Притча умилна“.

* * *

В основу издания текста сочинения „О причинах гибели царств“ положен список ГПБ, № О. II. 3, наиболее древний и исправный. Для исправления привлекается наиболее близко стоящий к нему список ГПБ, № 2350 (собрание Титова).

При издании титла раскрыты, выносные буквы внесены в текст, „ъ“ в конце слова опущен, „ї“ заменено „и“, ять — „е“, фита — „ф“, омега — „о“, кси — „кс“, иотированное „е“ — „е“, юс малый и иотированное „а“ — „я“. Имена собственные и географические переданы с прописной буквы. Пунктуация современная.

Ниже следующие номера рукописей указаны мне: Н. Н. Розовым — ГПБ, №№ О. II. 3, Q. II. 40, собрание Титова, № 2421; В. Ф. Покровской — БАН СССР, № Д 451; М. Д. Каган — ГПБ, собрание Погодина, № 1605.

Описание трех рукописей ГИМ, содержащих сочинение „О причинах гибели царств“, любезно прислано мне М. В. Цепкиной. К сожалению, у меня не было возможности ознакомиться с текстами списков ГИМ, поэтому описание этих списков дается без классификации их по группам.

При датировке списков сочинения я воспользовалась советами В. Г. Геймана.

ОПИСАНИЕ ВИН ИЛИ ПРИЧИН, КОТОРЫМИ К ПОГИБЕЛИ
И К РАЗОРЕНЬЮ ВСЯКИЕ ЦАРСТВА ПРИХОДЯТ И КОТОРЫМИ
ДЕЛАМИ В ЦЕЛОСТИ И В ПОКОЮ СОДЕРЖАТЦА И
СТРОЯТЦА

Наперед показываютца двух мудрецов слова или разуменья о том, будут всякие царства с вины и причины человеческие погибель свою и разоренье приемлют или судом Божиим.

Платон философ теми словы о том написал, что коли прирожденные и естественные начала свое всякое царство имеет, хотя б и налутчи и крепко поставленное и устрою не было, и оно своего времени за делами и за розъправами своими, сиречь от перемены закону, погибнет.

Ксенофонт философ написаша о делах царя перскаго Кируса, смотрячи на все царства, которые коли-нибудь любо под одного царя, любо под многих царей властью были, дивитца тому, что ни единое царство целое и долгим временем безстрашное не стояло, и показывает тому такую вину, сиречь тех люди, которые властельми и начальниками государств бывают, егда за их злобою и за их хотением и гордостью, и за их неправдою всякие царства переменяютца и погибают.

И с того сугубого разумения тех двух философ лутчее и праведное есть Ксенофонта мудреца разумение того для, что хотя не делаетца ничто на свете без воли и без суда божия, совершение того суду божия исполняетца за грехами и злобами человеческими, которые делают люди, розлучаясь з богом, и гнев его страшны на себя попускают, который ничим, толко покаянием, умирятца.

А приходит гнев божии на все люди¹ а злоб ради их, к сим же и за грехи начальников. И тому есть образцов много во святом писании, посреде которых тои образец: когда бог разгневался на Соломона, царя жидовского, того ради, что сердце его отступило от бога и не брег повелений его, сказал ему бог за то казнь, что хотел разорвати царство его и дати его слуге его, что последи и исполнилося над ним. Потому, когда Соломон умре, разорвано бысть царство его тем делом, что едины избрали Ровоама, сына Соломонова, друзии же избрали Еровоама, сына Наватова.

Учит таково же Исус Сирахов, тые слова написал, что неправды ради и обиды и для богатства несправедно добытого и собраного бывают царства² переносены от одного народу доброго,³ и того дела показуется, что злоба и грехи человеческие виною бывают до погибели царств всяких, которую злобу мочно приверстати к чирю злomu, канцером нареченному, которой чирей коли где на теле человеческом покажется,⁴ тогды от премудрых лекарей и от доброго и дорогого зелия не бывает излечен, но так долго ширитца, покаместа всем телом обладает и после человека уморит.

Таково ж, где злоба человеческая размножаетца и расширяетца, и где не есть единомыслене начальников с подъядаными, тогды приходит

¹ В рукописи с этого места пропущен лист. Пропуск восполняется по списку ГПБ, 2350.

²⁻³ В списках БАН СССР, №№ 17. 8. 10, Д 451; ГПБ, №№ Q. IV. 270, Q. I. 1010, Соф. 1495, Соф. 1501 перемешаны [в других списках изменены] от единого народа до другаго; в списке ГПБ, № Q. II. 40 переносены от одного народа до другаго; в списках ГПБ, №№ F. XVII. 16, F. XV. 21, Поход. 1604 переносены от языка [в] язык.

⁴ С этого места текст идет опять по списку, взятому за основной.

к тому делу, что ся над всеми царствы исполняет того злобы и грехи человеческие, от бога повинные.

Надобет государем и начальником во всяком государстве добро и праведно жити, чтоб были образцом всяких добродетелей того для, что каковых обычаев будет царь, таковы же смотря на него будут и подданные его. Есть к тому и простая притча: каков купец или торговый человек, таков и товар его.

А как грехами и иными непригожими делами и злобами государев и начальников осквернене и испорченое бывает государство, таково ж опять смирением и милостью их добродетель справляетца того для, что добрый обычей государский укрепляет подданных его.

До тех мест стоять будет государство всякое, покаместа в нем добродетель владети будет, и добрые святые и праведные обычаи и постановления в чести содержаные будут. И не будет таковых никаких премудрости прельстивых и насильства, которые б добре укрепленое и единомысленное государство из основания из славы его скинули и разорили того для, что коли в государстве не будет владети гордость и лакомство, таково ж и злое хотение и иные безделья и злоба, тогда в том государстве всякие дела крепкие и непоколебимые будут.

Изначала всякому государю и начальнику подобает того беречи, чтобы силою и неправдою ничто не делалось в государстве. Егда бо коли через силу что-нибудь делаетца, тогда такое дело не будет уж постоянное и крепкое того для, что ни одного мучителя не была постоянная и долговечна власть и сила, потому что мучительство и насильство завидство и нелюбовь у подданных родит и до помсты думы и мысли человеческие приводит. Чего есть образец в государстве римском, коли Апиуш Клавдиуш, думной и начальным боярин римского государства, который судебники и постановления списывал, хотел было насильством к любви своей безчесней присилити дочь одного римлянина Вергиниуша. И не могучи совершити своего злого хотения, здумал хитростью и насильством достигнуть того, которое дело было с великою жалостью отцу тое девицы и племяни ее, таково ж и всего миру. То же дело зделали великую нелюбовь и смуту против Апиушови, что отец своею прямою рукою дочь свою насмерть убил, но хотя того, чтоб была к нечистой любви злого властеля взята и обезщещена. А потом отец ее мир весь до помсты взбудил, убивъши дочь свою, со окравленными руками поехал до войска римскаго и объявил всему войску жалость и насильство того начальника, которым делом был великою виною до великой смуты в государстве римском.

И аще начальником всяким любовь подданных тех, которыми владеют, есть красотою и честью и безстрашным житьем, так опять нелюбовь и ненавидство подданных безчестьем есть государем и начальником всяким, многажды к погибели приводит их. А которые начальники хотят того и желают, чтоб поддании больше боялись их, нежели любили их, тогда такие к погибели, что слепые, идут того для, что ничево нет меж всеми вещьми лутчево к содержанию¹ величества государского, только коли государи имеют любовь всех подданных. Таково ж опять ничево нет худшого, только то, коли одного все боятъца.² Написал мудрец:³ аще которого люди боятъца, того уж не ради видеть, и всякий того желает, чтоб скоро тот человек изгинул, которого боятъца. А которые начальники хотят того, чтоб поддани их боялись их, и им таково ж надобет бояться тех подданных своих. Чому есть образец

¹ В рукописи содержаю.

²⁻³ Киноварью.

о сиракузанском царю о Дионисиусу, которой для великого мучительства своего таков страх в себе имел, что сам углем розъпаленым власы свое на бороде и на голове опалил, боясь ножниц и ножа мастерского.

Таково ж и Александр, ферейски царь, всегда невесело и кручиновато на сем свете жил, которой хотя и жену свою Тебу любил, но коли к ней в полату входил, всегда перед собою в голым мечем иноземцу итти велел. А напередь того двоих дворян своих, которые всегда берегли его, посылал, чтоб те дворяне все углы и все ящики в ларцах у жены его выискали для того, чтоб на него железа потаи не схоронено. Но то его великое береженье не пособило ему, потому что от той жены своей после убит.

Любовь подданных користна есть к целости здоровья государьского и к величеству достойному, и к крепости, но страх злои есть сторож долъгого житья, которой приводит государеи к страшному житью с великою их неславою.

Полидорус мудрец написал о том в те слова, что не может ничто несчастлившего человеку случитца, како во время житья своего злое разуменье у подданных имети, по смерти же опять неславу и проклядство терпети. Неславно то было оному гетману лакедимонскому Лисандру, который всегда те слова молил: аще где лвовою кожею совершити невозможно, тогда там лисею пособляти надобет, сиречь, где силою не мочно, там хитростью промышлять.

Великую опять славу и добродетель зделали то цесарю римскому Фабрициусови, до которого коли лекарь епирского царя Пируса писал грамоту, обещаючи государя своего окормом извести, толко бы ему за то заплата великая дана была. Фабрициуш цесарь не токмо к такой измене не приложился, но еще грамоту через думного своего до царя Пируса, хотя и с нем воевал, от государства римского в те слова писал: „Начаемъся того, царь Пирус, что не имеешь токоваго счастья у себя, которым бы мочно тебе разсудити у себя, кто тебе есть праведным другом, а кто опять недругом, изменником, о чом и сам сведаешь, коли сию грамоту, от нас к тебе посланую, прочтешь и увидишь то явно, что ты сопровит добрым и¹ праведным людям воину поднесл, а на злых и неправедных советников надеешься, о чом мы не для тебя самого, но для нас извещаем, чтоб смерть твоя неправедно нас не обвинила и чтоб никто не началяся того, что мы тебя хитростью своею извели, не могучи тебя чесно победити“. До задержания в целости государства надобет того, чтоб не были переменные права или судебники и постановленья государьские, но еще болши цело задержанные того для, что перемена давных и старых вещи делает перемену в государстве. А коли б надобное дело переменити что-нибудь обычаев в государстве, того не подобает того вскоре делати, но лехким путем того для, чтоб скорою переменою сердца у подданных не смутились и чтоб за тем делом не последовал страх в государстве, потому что всякая новая вещь болши убытком государства бывает, нежели корыстью, и за нею последует смута и мятеж в государстве. А болши того, коли те новые дела и управа, сиречь судебники, бывают постановленные не для корысти всех люди в государстве, но любо для подвышшения богатых и великих людей, любо для пониженья убогих.

Подобает таково ж, чтоб власть приказных людей в государстве праведная была, сиречь, чтоб в своей мере и в постановленье остоя-

¹ В рукописи а.

лась и чтоб болши власти своеи не ширили, толко столь много, сколько им в судебниках указано. И тая власть приказных людей, чтоб по постановленью, в судебниках описаному, а не болши ширилась над подданными того для, что во всяком государстве безстрашнейшая есть такая вещь, коли власть приказных людей болши содержитца в мере, нежели в силе. Потому егда такая власть размножитца и разширитца, тогда и до мучительства государя и начальников възбужает и приводит против подданным своим.

Римляне десять мужов имели, которые государством владели и судебники списывали. Те мужове так стали скоро сильными, что много дел насильством в государстве делали, для чего смута и мятеж в государстве сталось, и те мужове от чину своего откинены были после.

Таково ж они, тритцать мужове, которых Лисандер, лакедимонский царь, начальниками в государстве атиенинским постановил, коли городских людей много через мечь и через окорм истеряли и извели, а после сами такову ж казнь за свое злобы приняли.

Трасибулус, атиенински боярин, любовью к отчине своеи възбужоны, видя оных городских людей неправедно от тех мучители к казни приговоренных и осуженных, а иных из города прочь отогнанных, а у иных животы пойманные, въскоре волю атиенинского государства приворотил, преломивши власть и силу тех начальников, а после и самих загубил за пособленьем тех людей, которых были те начальныи мужове к смерти осудили, а иных из города прочь отогнали были. Философ Аристотель, смотря на такие дела, теми написал слова: „Аще болши власть и сила начальников в своеи мере содержитсяа будет, тогда таковое государство славнейшее и крепше будет того для, что власть начальников не будет уж завидливая людям в государстве, начальники ж опять станут ласково с людьми поступати и делати“.

Теопомпус, царь спартанский, власть государскую привел был к мере у лакедимонов. Наперед бо постановил ефорос, сииречь земские приказные люди, которые мимо царя всякую власть и силу становити и судити в государстве имели, которые коли что судили, уж о том до царя по указ не ходили. Те ж земские начальники как дел всяких в государстве берегли, таково ж и самого царя учили, наказуя его, коли что против праву и против судебников делал. И з того постановленья царя Теопомпуса смеялась одного времени жена его, говоря теми словами: „Как ся ты не соромишь того царь Теопомпис, что ты меньшую власть и достоинство царское сыном своим оставляешь, нежели ея от прародителии своих взял еси“. На которые слова такой ответ дал: „Жено моя, не меньшую власть, но добре крепкую и совершенънную сыном моим оставляю“. Те слова его праведные и разсудливые того для, что всякие мерные вещи долго и крепко на сем свете стоят.

Прилежная есть вещь беречися завидства, а болши еще людям великим и честным, потому что коли кто есть честнейши и разумнейши, той имеет болши завидливых против себе. Завидство убо есть безконечная вещь, которая на тех людей оборочаетца, которым сщастье ласково есть. И то завидство приверстаети мочно к болести, от греков нареченней офталмия, сииречь очная болеть, того для что коли человек такую болеть в очах имеет, гнушаетца вещами сияющими и не может в солнце очима своими смотрити. Таково ж завидство за теми последует, которые всево миру честными, богатыми бывають, которое завидство не токмо люди честных погубило, но много государств и городов разорило. Таково ж и атиенинское государство греческое ништо не погубило, толко завидство.

Заплата за службы делает таково ж завидство в государстве, чего надобет беречися начальником и иного чину людем, чтоб ее добре не желали. Образцов оного чесного мужа Питакуса мудреца из семи мудрецов, коли он отчину свою от мучительства освободил и Фринона, гетмана атениенъского, один на один убил. Подали ему власть и начальничество государства, которую власть возгнуслихся и не хотел ее принять, и коли много отчин все бояре оного государства давали ему за службу его, отказал им теми словами: „Не даваите мне того, чого бы много людеи мне завидило, а больши ещо того же хотело“.

Из завидства происходит заушничество, коли кто тайно счиляет кого на добрее славе и на чести его, хотячи ея отняти ему. И того письмо святое боронит и объявляет, что заушники, шишиморы, насильники гордые, достойные смерти. И не токмо те, которые делают того, но которые и произволяют на то. А с того завидства растет убавление чести и славы, коли кто явно чество нибудь у людеи сквернит, безчествующи его. С того же опять завидства растет ещо радость в тех вещах, коли ся несчастливо деет что ближнему нашему. И токовым людем письмо святое грозит теми словами: „Которые люди радуютца из скорби, ис печали благих, увязнут в сети, а перед смертью болестью истомленные будут“. Четвертая злоба от завидства происходит, сииречь жалость, которую в те поры человек завидлив имеет, коли видит счастье ближнего своего в чести и в богатствах. Написал Екклесиастес: „Егда человеку сваслаиво что деетца, в те поры жаль бывает недругом его“.

Пятая злоба от того же завидства отростает, коли кто не токмо кручинитца с того, что недругу его добро деетца, но еше завидует тому и желает того, чтоб все зло над ним увидел.

Похлебство или лесьть происходит от завидства и есть злым окором в государстве, чого для надобет начальным людем беречися того, чтоб ушей своих не прикланяли до слуханья таковых вещи, которые ни одной корысти не зделают, но еше больши помешки принесут в государстве того для, что таковые люди лестивы вестями толко живут, носячи и облыгаючи добрых и честных людеи в государстве заслуженных, и тем делом добродетельные прирочения государей своих к лютости и к немилости приводят. И хотя бы таковой нанос и оболгание одва не прямое было, ино воспомянув на слова мудреца Солона, которые написал, что в розряде великих и разсудливых дел нельзя начальнику всех людеи волю и любовь творити, и несть пригоже дело государю возрушати в разуме своем до гневу и к лютости того для, что милость и добродетель государская здоровье дает всему государству. Есть тому образец оного мучителя Нерона, царя римьского, который уродился лютым и страшным мучителем, тую только одну добродетель к славе достойную имел, что ничего больши не терпел, толко коли ему лаяли и непригоже о нем говорили.

Епаминундас, греческий князь, терпеливо зносил злые молвы человеческие, показуя то, что подобает мужству и просужеству человеческому злыми молвами возгнушати.

Юлиуш, цесарь римской, как до всех ласковы и милостивы был, таково ж и до тех, которые о нем слова непригожие говорили, и ничим не хотел мститися над ними, того только заказуя и забороняючи того.

Государю всякому подобает не слушати словес от злых уст происходящих, коли он за государским чином во всяких делах последует. Лакомство токово ж есть виною к погибели государствам того для, что нет худшей помешки в государствах, только лакомство, а больши

ещо начальников, которые государством владеют. Как Еклесиястес в те слова написал: „Над человека лакомаго нет на свете худшого, которой душу свою продает, а в житью своим видитца, будто в нутре своем шарпает и роздерает“.

Кикеро мудрец написал: „Аще кто государством торговать хочет и корысти себе ис того ищет, и он есть безчесным, злым и бездушным человеком, а за тем последует смута и мятеж в государстве, коли начальники больши ся печалуются о корысти своеи, нежели о доброе дело государства всего. И с того опять дела корысти не бывает, но еще оболши виною есть к погибели государством, коли думные бояре меж собою о чины и достоенства какие или о корысти бранятца, и за таковую их нелюбовью и межусобьем государство от смуты невольное есть. А за смутую опять погибель последует, из малыи бо искры велики пламень происходит“.

Два молодых бояре в сиракузанским государстве ис думанные брани и нелюбовь меж собою имели того для, что один невесту другого за жену себе взял. В то время, коли тое на воеводство послан был, что коли звезда тот, которому обедно было, мыслил и думал о помсте над тем, который невесту его взял и обявивши и сказавши ему чужо ложство. Сталась с того смута в городе, а после одни люди к одному, другие опять к другому оборотились и зделали меж себя войну, в которой войне много честных и великих бояр побито, а после мир всем государством завладел.

Великую такову ж мятеж и смуту в царстве римском зделали два бояре думные о достоенстве побранясь, Мариушь и Сыля. Мариуш пославши Сыля до царя бога о отдане Югурты изменника, которого коли Силья привел, стал гордым и спесивым с того счастья, и для знаменья послуги своеи, сопротивляючися славе Мариушове, дал вырезать на перстьню своем Югурту себе отданого и перьстень тот всегда на персту носил. О што разкручинився Мариуш, откинул его от себя. А после Силья, совокупивъшися з Метелиушем и с Катулушем, недругами Мариуса, поднесл воину мужусобную и побил Мариуша.

Сопротивление опять или ревность о добродетели во всяком государстве славно есть и чесно, и корыстно того для, что с того разширяютца всякие государства, и в котором государстве бояре меж собою без хитрости ревнуют о добродетели, и то государство налутчое есть, которой праведную добродетель имеет, ничего не желает, толко чтоб был к корысти всему государству. Но нашего испорченого времени больши есть тех людей, которые о том печалуютца, чтоб один другого превосходил просужьством в здобыванью богатств и именья, нежели в славе и в добродетели. И кто б хотел добродетель с теми безделными вещами весити, познал бы то, что те вещи великую помешку делают к здобыванью славы и всякое чести, а больши еще тому, которой в них надежу всего счастья своего полагает.

Не нашол бы онешнего времени человека таковаго, которой бы возгнушался хотением богатств, как то делал он, чесно Темистоклес греческий, который, одного времени гуляючи, увидел чепь золотую на земли, которую не подняв позвал одного из меньших дворян своих и рече к нему: „Чого для не подоимеш тое чепи, несть ты бо Темистоклес“. Которым делом показал то, что много есть людей, желающих и хотящих богатств, в которых он не корыстовался, что и тех из земли не подносил, которые счастьем своим нашол.

Хотение таково ж есть делом убыточным и корень всех злоб, и нарекли ее мудрецы окормом злым государства того для, что больши

недостойным, нежели достойным богатства роздает, которым делом смута и мятеж в государстве делаетца, коли честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откинутые, а мелькие люди бывают подвызшенные. Через такую смуту он, чесной римлянин Нумус, убиты был, чтоб за убитьем его был приступ к достоинству человеку глупому, Сатурнинем нареченному.

Хотение бо возбуждает просужих и честных людей до соединенья единомысленного, чтоб меж себя розделили достоинства, не припускаючи к ним иных мельких людей. А притом приходит государство до власти немногих людей, которая власть не есть розна от мучительства.

Которой убо властель на богатства хотящи есть, тот миру завидлив и нелюбы есть. А притом иноземцом больши, нежели своим, здоровья своего верит, и те дела исполняет, которые до укрепления государства его помешкою бывают. А после того мир до кручины и до безразумия пришедши за те насильства и бедности свое промышляет над теми людьми, которые власть свою над ними ширили. Как ся то совершило над сынами Писистратеса мучителя, которые для своего чесного и завидливаго государствания побитыми были.

Достойная и пригожа видица она мова Аристотелья философа, который советовал людям мельким начальничества и власти отдавати, сиречь таковым, которые бы в убожестве и в недостатку преже жили, а до богатства опять пришедъши, чтоб гордыми и спесивыми не были.

Худо таково ж деетца в том государстве, где бояре не возмогут волно молыти о делех надобных, которые бы были к корысти добреи государству, бояся тех, которые меж собою соединенье и единомысленье имевши, всякие дела по своей воле делают, которая воля убытком была Димостину, риторю греческому, коли Александр, царь македонский,¹ образцом волности в греческие государства с воинском въехал и Алены, славны город, взяти и овладети хотел. После оправдался бояром и миру атеиненскому через грамоты и через послы свое, что того не зделал для того, чтоб им волность или волю отняти хотел и город в неволю взяти, но что он десяти мужей атеиненских бояр не ради видел и кручинился на них о том, что всегда в думе непригоже вспоминали его и лаяли ему. И коли б те бояре были ему отданные, и он бы зделал то, что от осады города отступил и мир от голоду и от войны освободил. А наперед хотел Димостина, ратора и сладкоглаголиваго мужа, над которого в оно время не имело греческое государство лутчего и славнаго, а к нему еще иных десяти мужев. Различные о том думы у бояр были. Одни хотели и молыли о том, что лутчи сколько человек потеряти — всем целым остатца. Те опять произволити на то не хотели, которых Александр царь для казни хотел себе отдати, и одва о том смели говорити того для, что за смертью их иные все начались целыми в здоровью остатца. И уже было издуманно отдати их царю Александру, коли бы был Димостинес сладкославец такую басню хитрости царя Александра не объявил и теми словы атеинским бояром и миру говорил: „Волк николи пастырем, которым в их береженью обманити хотел, советовал о том, чтоб с ним подружился в брацкой любви, которую любовь меж собою совершили таковым делом, чтоб все собаки, которые виною были всякой недружбы и нелюбви меж ими отдали вольку, которые берегли овец. Тогда волк, отнявъши себе страх и боязнь, всю животину не токмо до сытости

¹ В рукописи лакедимонски.

своеи, но еще по воле своеи шарпал и ел и не токмо животину, но и самых пастыреи. Таково ж и Александр царь делает, всех тех, которые хитрость его обявляют, хочет от вас отнять, чтоб после скоро всех думных и вас мир в руки свое взял, истерявши тех, которые мудростью своею обороняют вас“.

И надобет, чтоб тая басня была наукою думным бояром, чтоб береглись хитрости тех людей, которые клеветничеством и ложью своею на тех людей наносят, которым добродетель в версту не могут быти. Димостинес, он честной и сладкоглаголатель, написал то, что ничего человеку несчастлившого не мочно прилучится, только коли не имеет воли молить в делех своих. И во оправданью своим показал то Димокритус у царя Филипа македонского в посольстве будучи от бояр атиениенских, коли он волно и безстрашно молил к царю Филипу. Рече к нему царь Филип: „Не боишься того ты, Димокрите, что яз веляю тебе голову отсеци?“. Рече Димокритус: „Не боюсь того, аще голову мою возьмешь, и то будет с великою и безсмертною славою моею“.

Во всяком государстве без согрешенья не бывает, и надобет поучати проступников лехким обычаем того для, что начальником подобает показати милость подданным себе, а побежати гордых. И никакие славы ни одному начальнику не принесет то дело, коли гневом своим, которые его до помсты приводит над своими подданными, не возможет владети.

Милосердие начальников любое есть всему миру и делает великую любовь тем, которые показывают ее. Атиениенское государство преж сего милосердие вместо бога славилося, чтоб начальных людей учило виноватых ласково поучати. Всякому властителю подобает на те слова памятать, что всякому властителю от бога постановленному подобает беречися от кровепролития. Но егда бо того надобет было и не мочно б усмирити злых обычаев в государстве, только кровепролитием,¹ тогда надобет делати по обычаю лекарей и докторов, которые коли видят, что никакими лекарствы злая болесть в человеку не может быти излечена, и они, не радуясь тому, но с великою жалостью иные части тела человеческого оттинают, но только то, что ся испортило, чтоб достальное тело от того испорченного не испортилося.

Таково ж не надобеть всегда милость виноватым показати того для, чтоб государство оттого не погинуло, но всегда поученья надобет для содержанья в целости государства, поне злобу, изначала показаную, мочно отогнати, но коли уж стареетца, тогды нельзя ее излечити и усмирити.

Слова те Солона мудреца, достойные памяти: „Государь всякий, который хочет подданных в любви держати,² добре лютым не добре опять милостивым подобает быти.³ Лисандер, лакедемонский царь, будучи вопрошоны о том, которые бы ему налутчое государство видилось. Таков ответ на то дал: „Егда в государстве люди добрые за свою добродетель бывают почсены и заплаото украшенные, зли

¹ В рукописи кровепротьем.

²⁻³ В списке ГПБ, Q. II. 40 не добре лютом не добре опять милостивому подобает быти; в списках ГПБ, №№ F. XV. 21; Погод. 1605; 2350; Погод. 1604 не добре лютым ниже добре милостивым [в других списках милостивым] подобает ему быти; в списках БАН СССР, №№ 17. 8. 10, Д 451; ГПБ, №№ Q. IV. 270, Соф. 1501 не добре люту [в других списках люто] и не добре милостиву подобает ему быти; в списке ГПБ, № F. XVII. 16 не вельми злобы был, не вельми смирен и милостив.

жно (так!) опять за свое худые дела поученья емлют, тогда государство токое славное и непоколебимое всегда бывает“.

И то таково ж не приносит доброго коньца в государстве, коли обычаи иноземские в государстве принимают. Что и он Ликургус, лакедимонский законодавец, в постановленью государства увидев, таков закон меж иными постановил, чтоб до думы государства лакедимонского иноземцов не принимано. А то не того для делал, чтоб иноземцом чести уимал или чтоб нерад их видел, но что для них перемена во обычаях и в делах оногo государства не¹ была б. А больши того надобет беречи, чтоб из обычаев иноземских протор или избыток в житью человеческом, сиречь в ествах и в платью не зделался. Которое дело как скоро в государство воидет и примется, тогда уже приносит безконечное зло, а последует за тем делом великая злоба.

Протор или избыток нареченныи есть отцом бедности и убожества. Показал то цесарь римской Тивериушь думному своему Атилли, коли тот Атилла для своего протору и избытку великого до великого убожества пришел. Всегда плакал, вспомянув достатки свои. И рече к нему царь Тивериушь: „Не скоро и по времени поберегся ты в том, истерявъши все свои богатства. А за таковым протором последует хотение чюжогo имения, потерявъши свое“. И коли то хотение до чюжих животов приступитца, тогда единомысленья и любви меж житейскими людьми не будет, и за тем делом смуты и мятеж приходит в государство, а после разоренья государств и царств.

И как всякие добродетели славное и чесное государство делают, таково ж оягт слава государства того гинет, где владеет злоба, неправда и хитрость. И того для всякие властители государств всяких долъжни беречи того, чтоб целость государства своего содержать могли и себе бессмертную славу навеки оставити. И о таковых делах долъжни промышляти, чим бы гнев божии усмирили, а таковых грехов береглись, которыми бог возгнушаетца.

Празнование и ленивство есть таково ж убытком государству, коли начальныи люди не исполняют долженства чину своего от бога на них возложеного для своего празнования и ленивства. И оны города Содому и Гомору ништо к погибели не привело, только гордость множества и достаток хлеба, и² празнование, от которого всякие злобы происходят. Был вопрошенныи гетман лакедимоньский Клиоменес от одного человека: для чего лакедимони, воюя из³ аргивы и не одиножды побидителями будучи, до конца их не разорили. Отказал ему на то: „Не желаем того себе, чтоб от нас были аргивы разорены, но чтоб мы таких недругов имели, которые б молодых⁴ наших ратных людей учили“. Которым делом показал то, что юность празнованием портитца. На что смотря, Ликургус законодавец не токмо молодых людей мужского полу к делом възбужал, но и девичье тела в различных делах научал, сииречь в скаканью, в стрелянию и в иных просужствах. А коли один человек спрашивал Ликургуса о том, для чего бы то делал, сказал ему: „Различные вины к тому, а именно такую, чтоб девичье или женского полу люди лутчи и з большею крепостью и без страху могли болести износить и терпети во время рожения детей, а больши того, коли б того надобе было, чтоб за дети свое и за себя и за отчину

¹ В рукописи пропущено.

² В рукописи а.

³ В списках ГПБ, №№ Q. IV. 270, Соф. 1501; БАН, №№ 17. 8. 10, Д 451 со; в списке ГПБ, Погод. 1604 на.

⁴ В рукописи модых.

свою воевали. Агесилауш, царь лакедимонский, царем будучи и иным всем советуячи николи не празновал и труды великие принимал. То же празнование и погибель принесло оному Сардапалию, царю ассирийскому, которого коли Арбадес, воевода его ближний, меж кучою женъщин безчесных увидел прядучи нити, видячи то, что не было пригоже дело, чтоб таков царь повелевал и владел множеством людей, которыхи над женъщины худшии был, зделал то над ним, что сам себе и богатство свое все на каменной столпи положив, спалил.

Хило философ называл того добрым царем быти, которыхи печалуетца о том, чтобы подданные его не от боязни любили его, но от милосердия.

Агасиклес, царь лакедимонъски, был спрошен от одного человека, каковым делом мочно всякому государю без страху царьствовати, не имев около себя никакого береженья. Таков ответ на то сказал: „Коли б так повелевал подданным своим, как отец повелевает сыном своим“. Которая скаска его достойна есть разсуженья, потому что отец с прирощенья своего отцовского болши печалуетца о детях своих, нежели сам о себе. И для того дети любят отца. Таково ж и государи о корысти и прибыли государства своего всего лутчи должны промысляти, нежели во свои прямые добрые имения и богатства, чтобы тем любовь подъданных своих зделали и оборотили к себе, которая есть крепким основаньем долгого их государвания потому, коли добрый царь любо начальник изо всех людей сщаслившии бывает, таково ж опять мучитель царь изо въсех несщаслившии станетьца того для, как тот царь, которыхи добрым есть, безстрашное имеет свое житье, так опять злой царь страх и много изменников на себя всегда безпрестанно имеет.

Агесилауш, царь лакедимонский, был спрошан, которая б добродетель честнейша была — мужество или правда. Отказал на то: „Мужество не есть корыстное будет, при нем правды не будет, потому что коли б все люди праведными были, не надобеть бы уж мужество. Премудрость таково ж без правды хитростью есть, смиренность опять без мужества ленивством есть, правда опять без смиренности лютостью есть“.

Желанье и хотенье царств не от добродетели происходит, но от злобы, и то хотение человека до неправды и до злого конца приводит. Дал на то ответ Диогенес философ Филипу, царю македонскому, коли Филип, войско свое великое собрав, пришел до Хероние. И пришел таково ж там в те поры Диогенес, которого поимано и перед царя приведено. Царь, увидевши Диогенеса, себе незнакомаго, рече к нему наудачю: „Ты не лазучник ли?“. Диогенес рече к царю: „Подлинно яз лазучник есть, пришел яз присмотритися бесноватому и глупому разумови твоему, которыхи неполно имееш на царстве македонском, но еще чужих царств здобываешь и сам себя в такой страх подаешь, чтоб и здоровья и царство свое потерял напрасно“.

Подобает за таковыми делами государем последовати, которые бы престолу их разъмноженье и разширение деляли. А того беречися должны, чтобы не было достойнаго престолу их и чтобы каковую славу престолу их чинило, и таковаго строенья в государстве не становити, которое бы было страшное всем, чтоб и болши страху, нежели покою, и болши ненавиства, нежели любви, не принесло

Тако же и всякому начальнику подобает беречися от гневу, потому что гнев затмевает чесные дела. Пишут мудрецы о Александру царю македонском, акоже много обрасцов показывал непобеженого сердца своего, но что он иногды скорый был до гневу и для ради того все свое дела чесные и великие затмевал: убил неповинного старого приятеля своего, Клитусем нареченного, а после, егда по оным гневу образу-

мился, вынявши меч с тела его сам к себе оборотил, и хотел¹ убить себя² толко бы его приближные приятели не уняли.

Таково ж и Дионисиушь мучитель,³ егда хотел тешится мечом, тогда платие свое и саблю отдал временънику молодому держати, х которому ласков был. И одного времени, егда один з друзей и приятелеи приближенных его шутя молыл к тому мучителю Дионисию те слова: „Тому ли временънику молодому здоровья своего веришь?“, к чому он, временъник, розсмеялся, и для ради смеху того мучитель и того временника своего и приятеля убить велел. Приятеля для того, что образец к убивству показал, временъника ж для того, что оную повесть или вопрос смехом укрепил. И с такового дела мучитель Дионисии до коих мест жив был, весел не бывал.

Философ един спрошен от гетмана или воеводы, каковым бы делом возможно владети без похуления. Рече философ: „Аще гневом не будешь николи возбужены“. И тем делом объявил то, что гнев до всякого чину исполнения великою есть помешкою. Нет убо тем разсужения, кому гнев владеет, хотя б и был и премудрый, подлинно ся в делах помешает.

Аристотель мудрец прилагал и приверстал до гневу дым, якобы в дыму очи человеческие бывают затменные и зрения теряютца и владения к вижению вещи перед очима будущих не бывает. Таково жь, егда человек гневом розжетца, тогда темнение разумови приходит, что и грехов своих в те поры видети не может.

Всякий опять начальник и судия постановлены к разсужению различных дел долъжен есть правды беречи и по описаных судебниках судити. И подобает ему на посулы не смотреть и не дати ся от истинного отводить, к чому есть обрасцов много, а именно во време Камбисеса, царя перскаго, Сисанес судия, будучи посулами подарованыи, неистинно и неправедно дела судил. Что егда царю Камбисесу⁴ сказано, велел кожу с тела его содрати, а после самого удавити, а тую кожу, с тела содраную, велел на том месте, на котором судии садились, повесити. А после сына его Отана судью поставил и те слова молвил к нему: „Памятуи о том, на каковем месте сеядчи судиш“.

Бияс судия, егда одного человека виноватого на смерть осудил, стал сам плакати, жалеючи бедного человеческого жития. Но коли был о том спрошон, чого бы для плакал, поне есть то на его волю казнити и освободити человека. Рече на то Бияс: „Подобающе и пригоже есть дело прирожению человеческому милость показати, но от упрасы и истинного оступати есть то дело убыточное и неподобающе к такому чину“. Подобает собирати людеи мудрых и богобоязных, которые б были праведными и лакомством возгнушались. А которые на достаток и на богатства и на деньги лакомыми суть и желательными, сицевые ничего чесного разсудити не возмогут.

Объявилось то в оных двух начальниках города, Олинту нареченного, которых нарицали Листенес и Евътикрастес, которые, подарки и посулы прельстивъшись, город царю Филипу македонскому здали, чого для царь Филип многожды те слова молвил, что ни один город не есть так крепко устроеныи и укрепленыи, которого бы невозможно взяти и овладети в те поры, егда бы до него осел или конь с великим мехом золота вшол. Нет бо лютого и страшнейшего дела над лакомъство, для ради которого многие царства погибают.

¹⁻² В рукописи пропущено.

³ В рукописи мучитель.

⁴ В рукописи Камбисесу.